

Отзыв на проект Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»

М. Э. МОРОЗОВ, председатель Сибирского третейского суда, старший преподаватель кафедры экономики и права Новосибирского государственного университета

Законопроект «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — проект), вносимый Президентом РФ, относится к числу законопроектов, в которых отсутствует целостное восприятие регулируемого явления в соотношении с другими правовыми блоками. Такой подход к регулированию игнорирует подходы к медиации как к одному из блоков альтернативного разрешения споров (АРС). Язык написания законопроекта не выдерживает критики, поэтому не видим необходимости анализировать текстуальную часть каждой статьи и сосредоточимся на основных положениях данного проекта.

Как видно из ст. 1 проекта, он призван регулировать отношения по урегулированию споров, возникающих из *гражданских, трудовых и семейных отношений*, при этом процедура медиации применяется после возникновения споров, рассматриваемых в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства.

Как мы видим, объект регулирования включает несколько блоков правоотношений, регулируемых разными отраслями права. В то же время в п. 4 ст. 12 проекта установлено, что медиативное соглашение (как результат медиации) — это *гражданско-правовая сделка*. Остается загадкой, как результатом регулирования трудового или семейного спора может выступать гражданско-правовая сделка. А уж данное в ст. 12 определение сделки представляет собой ничем не обоснованный правовой ликбез. Забота авторов проекта о последствиях медиативного соглашения вполне могла бы быть подкреплена, например, приданием ему такого последствия, как избавление сторон от повторного доказывания установленных в нем обстоятельств как признанных сторонами.

Еще большее удивление вызывает п. 3 ст. 1 проекта, устанавливающий, что процедура медиации применяется *после* возникновения споров, рассматриваемых в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства, и прямо противоречит п. 1 ст. 4. Таким образом, проект отказывается от регулирования медиации, осуществляемой вне рамок судебного процесса. Учитывая, что в своей основе медиация как раз и направлена на урегулирование конфликта без судебного разбирательства, такое одностороннее регулирование пойдет во вред всему явлению медиации. Тогда необходим будет еще один закон, регулирующий медиацию как явление вообще, а не только после возникновения спора. Хотя не трудно заметить, что вся логика проекта свидетельствует, что отношения в рамках медиации будут происходить на всех стадиях правоотношений сторон.

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

Пункт 3 ст. 7 противоречит п. 1 ст. 4, поскольку один утверждает, что медиативная оговорка не препятствует обращению в суд, другой запрещает такое обращение.

Проект отличается повышенным уровнем «юридизации» медиации. С учетом того, что медиация относится к явлениям, которые традиционно регулируются сторонами самостоятельно, вмешательство государства в такие отношения сторон должно быть оправдано практическими целями и иметь под собой четкое правовое обоснование. Представляются совершенно необоснованными положения проекта, выделяющие соглашение о применении процедуры медиации и соглашение о проведении процедуры медиации и, кроме того, устанавливающие к ним требования об их существенных условиях. Не ясна цель составления двух документов о медиации, хотя даже для передачи спора в третейский суд достаточно одного. Это же относится и к разделению медиации на профессиональную и непрофессиональную (так и не понятно, для чего нужно такое разделение и в чем отличие этих двух видов медиаторов) и введение профессиональных требований к медиатору (ст. 15 и 16). Еще менее ясны последствия нарушения всех этих требований — неужели в случае, если конфликт будет урегулирован с помощью ненадлежащего медиатора или с неверно составленным соглашением о медиации, то и результат лишится силы гражданско-правовой сделки? Исходя из природы медиации, в отличие от третейского суда, медиатор только помогает сторонам **самим** урегулировать конфликт (даже не всегда спор), поэтому думается, что **формализация медиации — это тупиковая ветвь регулирования этого явления**. Блок АРС во всем мире развивается за счет своей гибкости и предоставления сторонам возможности самим произвести регулирование процесса, а не через его формализацию. Развивая порочную логику проекта на исчерпывающее регулирование медиации, стоило бы тогда развить п. 5 ст. 11 и тогда уж закрепить все допустимые приемы работы со сторонами, а не только установить запрет на внесение предложений об урегулировании спора. Складывается ощущение, что это положение, очевидное с точки зрения психолога, без всякого сомнения помещено в юридическую среду, для которой его верность уже не столь очевидна.

Не понятно, почему проект считает допустимой бесплатную медиацию только для отдельных медиаторов и недопустимой для организаций. Видимо, сама возможность бесплатной помощи людям со стороны организаций кажется авторам проекта безнравственной.

Авторы проекта отчетливо взяли курс на модное течение объединения в саморегулируемые организации (СРО) и перенесли его на медиацию. Не отрицая полезности саморегулирования в принципе, стоит отметить, что обязательное саморегулирование вводится, как правило, вместо лицензирования. То есть оно всегда касается деятельности, находящейся под контролем государства, где сам характер деятельности может существенно повлиять на безопасность, здоровье, экономические права и т. д., т. е. обладает высоким социальным эффектом и ответственностью перед обществом. При этом ст. 17 проекта является отчетливо декларативной и не устанавливает ответственности для медиатора, хотя и обозначает ее наличие. Исходя из роли медиатора, не ясно, за что, на основании чего, при каких условиях вообще может наступить эта ответственность. Из проекта не усматривается столь высокой роли медиации в обществе, а потому введение обязательного саморегулирования

должно быть вызвано потребностью самих медиаторов в таком объединении и саморегулировании, а не вводиться законом.

То же самое касается профессиональной подготовки медиаторов. Статьей 16 проекта установлено, что даже программа подготовки утверждается Правительством. Сегодня образовательные стандарты даже для вузов имеют все большую тенденцию к их формированию на уровне самого вуза, и введение такого высокого уровня образовательного стандарта для медиации в корне неверно.

Таким образом, раздел проекта о саморегулировании представляет собой дублирование норм закона «О саморегулируемых организациях в Российской Федерации», преследующее не ясную правовую цель. Во всем мире медиация базируется на самоподготовке медиаторов и соблюдения ими *самими* установленных стандартов, и, соответственно, неэффективный медиатор просто не найдет своего клиента, но не потому, что он не соответствует установленным *государством* стандартам подготовки медиаторов.

В качестве вывода по проекту в целом можно отметить, что под его действие подпадает лишь часть отношений в сфере медиации, нуждающихся в регулировании, отдельные статьи проекта имеют принципиальные противоречия друг другу, проект содержит избыточное регулирование в той части, которая исконно относится к полномочиям сторон. Обществу в целом указанный проект, в случае его принятия, несет мало позитивного и выгоден будет лишь тем лицам, которые встанут во главе новоявленных СРО и центров, обучающих медиаторов. Именно этот аспект регулирования прописан в проекте наиболее четко и последовательно и не допускает никакого стихийного развития медиации, но должен быть под полным контролем.

Можно было бы подумать, что пока такие силы в России отсутствуют; но внушает опасение, что у них уже хватило административного ресурса внести проект в Государственную Думу от имени Президента РФ, аппарат которого нельзя отнести к малограмотным юристам. Принятие уже существующего проекта закона «О примирительной процедуре с участием посредника (медиации)», долго обсуждавшегося юристами, увязло в согласованиях, а новый проект, несмотря на его явную безграмотность и противоречие доктринальным положениям об АРС, напротив, стал продвигаться. Такие рычаги не приводятся в действие на голом энтузиазме, а значит, у России появился еще один шанс получить неполноценный закон.